

Олег Айрапетов

Рец. на: Дж. Брэдли. Ружья для царя. Американские технологии стрелкового огнестрельного оружия в России XIX века. Бостон; СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 359 с.

*Oleg Airapetov
(Lomonosov Moscow State University, Russia)*

Rec. ad op.: J. Bradley. Ruzh'ya dlya tsarya. Americanskie tekhnologii strelkovogo ognestrel'nogo oruzhiya v Rossii XIX veka. Boston, Saint Petersburg, 2022

DOI: 10.31857/S2949124X24010142, EDN: CEYTLV

Ещё в 1990 г. американский историк Джозеф Брэдли опубликовал весьма интересное и содержательное исследование «Guns for the Tsar. American technology and the small arms industry in Nineteenth century Russia»¹. Разумеется, оно сразу же привлекло внимание специалистов². Однако его перевод на русский язык появился лишь через 32 года. Он был издан в 2022 г. благодаря просветительской программе издательства «Academic Studies Press — Библиороссика». Это не только делает книгу более доступной для российских читателей, но и безусловно повысит её востребованность в отечественной историографии. Хорошая монография стареет медленно, отличная не устаревает вовсе, а работа Брэдли пока успешно выдерживает проверку временем. Именно поэтому имеет смысл вернуться к анализу и оценке проделанного автором труда и его результатов.

В основе исследования лежат колллекции девяти фондов различных архивов США и Великобритании, а также многочисленные опубликованные источники, список которых достигает 15 страниц (с. 301–315)³, не говоря уже об обширной научной литературе на русском, английском, французском и немецком языках. Не следует забывать, что в 1980-х гг., когда писалась книга, зарубежный учёный,

изучавший военную историю Российской империи, практически не имел возможности получить доступ к архивным материалам в СССР (с. 5). Однако Брэдли удалось показать, как много можно извлечь из документов, к которым теперь совсем не просто добраться историкам из России. Так или иначе, использование иностранных источников по истории России по-прежнему актуально. К тому же Брэдли успешно вписывает в исторический (в том числе международный) контекст столь важный и сложный процесс, как перевооружение огромной армии одной из великих держав. Его суждения об уровне развития русской военной промышленности и её потребностях отличаются взвешенностью и глубоким знанием предмета.

Вслед за Т. Шаниным Брэдли полагает, что «Россия XIX века являла собой типичный пример развивающейся страны в современном смысле этого понятия: традиционная социальная структура, самообеспечивающая экономика и устоявшийся государственный аппарат». Её политику «веками определяли потребности армии». Но если «до Крымской войны Россия практически полностью обеспечивала себя военным стрелковым оружием», то «в эпоху быстрых перемен в конструкции и методах производства ружей для пехоты данная отрасль оружейной

промышленности России впадала в технологический застой» (с. 13–14).

Между тем превосходство на поле боя всё чаще обеспечивалось не наращиванием численности войск, а качеством их вооружения. И хотя Брэдли в соответствии с историографической традицией утверждает, что «в эпоху гладкоствольных мушкетов основанная на принципах А.В. Суворова тактическая доктрина многочисленной кадровой армии практически не менялась» (с. 16), изучение уставов николаевского царствования свидетельствует о постепенно возрастающем внимании к возможностям стрелковых частей и подразделений⁴. В целом русская армия, как и другие, развивалась вместе со временем. Конечно, удар пехоты по-прежнему предполагалось завершать холодным оружием, причём как в России, так и в США (под Фредериксбергом, Чанселорсвиллем и Гейтисбергом и т.д.). Кстати, называлось это тогда наполеоновской тактикой⁵. Необходимо учитывать и то, что перед Крымской войной войска Российской империи готовились не столько к многомесячным осадам, сколько к манёвренной войне, в которой скорострельность гладкоствольного ружья была важнее дальноточности нарезного, заряжавшегося дольше⁶. Сказывались также и «мизерность сумм», отпускавшихся из казны на изготовление солдатских ружей, и трудности, возникавшие при обучении вчерашних крестьян «использованию и обслуживанию сложного оружия», и сложность его ремонта в полковых мастерских (с. 82–87). Неудивительно, что, рассмотрев все эти факторы, Брэдли признаёт: сделанный при Николае I «выбор систем вооружения имел немалый смысл» (с. 83). Жаль только, что при этом воспроизводятся давно уже устаревшие стереотипы, будто бы русский солдат вплоть до 1874 г. служил в армии по 25 лет и т.п. (с. 85).

Так или иначе, Россия была вынуждена приспособливаться к требованиям нового времени, создавая, по выражению Дж. Фуллера, собственные «нации оружейников и специалистов» (с. 14) и активно изучая и перенимая зарубежный опыт⁷. Делать же это приходилось в условиях, когда «правительство зачастую оказывалось единственным потребителем иностранных продуктов или технологий», а частные предприятия играли «незначительную роль в инновациях» (с. 22).

В первой главе монографии Брэдли прослеживает развитие огнестрельного оружия «в индустриальную эпоху» (с. 28–80). При этом он подробно освещает техническую сторону организации производства (с. 46–52) и отмечает, что его механизация приводила к упрощению процесса, тогда как ранее, наоборот, росло количество операций при изготовлении стволов, замков и т.д. Применение машин позволяло сделать выпуск продукции массовым и одновременно решить проблему унификации и взаимозаменяемости деталей, что было невозможно без высокоточных измерений (с. 56–80). Первых успехов в деле стандартизации и механизации Франция и Англия добились в конце XVIII — начале XIX в. Важным этапом на этом пути стало изобретение в 1827 г. игольчатого ружья системы Дрейзе, принятого в прусской армии в 1840-х гг. (с. 31–32, 52–56).

Не оставались в стороне и американские оружейники (с. 56–58). В 1819 г. арсенал Харперс-Ферри выполнил первый заказ на изготовление партии казнозарядных ружей с взаимозаменяемыми деталями (с. 60). Способность пойти на смелый эксперимент и рисковать для того, чтобы получить преимущества перед конкурентами, являлась сильной стороной американцев. В 1850-х гг. их примеру последовали британцы на знаменитом

оружейном заводе в Энфилде (с. 61), хотя тогда взаимозаменяемость оставалась условной, а точность машинной обработки нуждалась в усовершенствовании (с. 62).

Очень многое для этого было сделано на заводах полковника С. Кольта в США и Великобритании (с. 66), ставшего с 1850 г. одним из наиболее активных продавцов револьверов в Англии, Франции, Бельгии и т.д. (с. 72–75). Поступали они и в Россию, находившуюся в очень хороших отношениях с США, чему способствовала «общая враждебность к Англии» (с. 96). Как показано в главе «Стрелковое оружие в дореформенной России. Русский “кольт”», американский оружейник трижды посещал империю (с. 103–104). Впервые он приехал в Петербург в апреле 1854 г., представив своё изобретение – шестизарядный револьвер, понравившийся Николаю I. Вскоре 400 револьверов Кольта образца 1851 г., выпущенные на Тульском заводе, поступили на вооружение Гвардейского экипажа⁸. Дальнейшему сотрудничеству в период Крымской войны помешал запрет нейтральной Пруссии на перевозку оружия через её территорию. Попытка его обойти привела к перехвату партии военной контрабанды в 145 тюках с хлопком, в каждом из которых таможенники обнаружили по 24 револьвера (с. 105–106).

Глава «Русская индустрия стрелкового оружия» (с. 115–165), написанная довольно объективно, носит скорее просветительский характер, сообщая читателям общеизвестные сведения о том, что частной военной промышленности в России не существовало, а казённая, основанная при Петре I, практически не зависела от рынка и испытывала трудности из-за низкого уровня технических навыков населения и т.д. Гораздо более оригинальна, пожалуй, самая важная глава в книге – «Америка и русская винтов-

ка» (с. 166–220). После заключения Парижского мира 1856 г. темпы перевооружения стали «лихорадочными» – быстро появлялись новые системы нарезного оружия, но ни в одной крупной армии мира не знали, какую из них предпочесть (с. 167). В период Гражданской войны 1861–1865 гг. даже североамериканская промышленность не смогла обеспечить единообразными ружьями свои импровизированные армии, в которых под знамёнами одновременно находились почти 1,5 млн солдат, а всего были призваны 2 688 523 человека⁹. В ходе австро-прусской войны 1866 г. игольчатая винтовка Дрейзе в полной мере продемонстрировала свои возможности – среди раненых на одного пруссака приходилось восемь австрийцев¹⁰. В конце 1860-х гг. необходимость замены старых гладкоствольных ружей признавалась уже всеми¹¹. В России первоначально остановились на игольчатых винтовках двух «передельных» систем – Й. Карле в 1867 г. и С. Крнка в 1869 г.¹² Это совпало с началом резкого роста военного бюджета империи, продолжавшегося вплоть до конца царствования Александра II¹³.

В то же время сокращение спроса на внутреннем рынке и рост международных заказов в связи с массовым переходом европейских армий на казнозарядные винтовки превратили США в крупнейшего экспортёра стрелкового оружия в 1868–1878 гг. (с. 71). Американцы поставляли винтовки Снайдера во Францию, Пибоди-Мартини – в Турцию¹⁴, но в России их дела в 1860-х гг. обстояли далеко не блестяще: револьверы Кольта критиковали за сложность производства и ненадёжность, а остальные изделия не вызвали особого интереса (с. 111–112). Ставка делалась на собственные конструкции (с. 113), поскольку Россия, естественно, не желала зависеть от экспорта. В свою очередь данное ре-

шение подразумевало реконструкцию военной промышленности, зависевшую от избранных для копирования образцов и финансовых возможностей. Анализируя эти процессы, Брэдли извлёк сведения из статистических справочников, высоко оценил и тщательно проработал публикации таких специальных изданий, как «Оружейный сборник», «Артиллерийский журнал», «Военный сборник», «Инженерный журнал», «Горный журнал» и «Русский инвалид». Но им использован всего один (к счастью, опубликованный) всеподданнейший доклад военного министра за 1861 г., который стоило бы дополнить, по крайней мере, издававшимися отчётами государственного контролёра и известным трудом И.С. Блюха¹⁵.

В обстановке стремительных перемен русскому правительству следовало учесть опыт передовых стран и оценить возможность и перспективы его применения в России при необходимом ей количестве и качестве винтовок. Важную роль в этом деле сыграл полковник (с 1880 г. — генерал-лейтенант) А.П. Горлов (с. 175–180), отправленный в США ещё до завершения Гражданской войны для изучения местного оружия и способов его производства. Эта командировка весьма хорошо описана Брэдли (с. 177–213, 240–263). В итоге в Петербурге сочли оптимальной американскую систему полковника Х. Бердана, сочетавшую преимущество откидного затвора и металлического патрона (с. 180). Правда, поначалу отечественные оружейники были недовольны качеством американских стальных стволов¹⁶. После значительных изменений, сделанных русскими офицерами, винтовка в Америке получила прозвище «Russian musket». Проведённые испытания показали её огромное превосходство над имевшимися в России шестилинейными ружьями. В 1869 г.

завод Кольта получил заказ на 30 тыс. таких изделий¹⁷, но производственные мощности фирмы не позволили исполнить контракт ранее, чем через два года, тогда как три казённых и четыре частных завода в год переделывали под систему Крнка до 369 164 винтовок¹⁸.

Первые образцы берданок, поставленные в армию, сразу же заслужили высокую оценку (с. 185). Однако, вопреки мнению А.Г. Тарсаидзе, они не являлись основным оружием пехоты в 1870-х гг. ни в Туркестане, ни на Балканах и в Малой Азии (с. 186), что отмечает и Брэдли (с. 214–215). Система Крнка считалась всё же более дешёвой и простой¹⁹. Ижевский завод, например, сдавал государству винтовку Крнка по 15 руб. 50 коп. за штуку, а берданку — по 18 руб.²⁰ И хотя в боях ружья Крнка оказались весьма капризны и ненадёжны²¹, их дешевизна оставалась решающим фактором. Серийный выпуск берданок начался только в 1874 г., а перевооружение ими армии закончилось через 10 лет. На Балканы войска выступили с винтовкой Крнка, а в Азии на вооружении оставалась система Карле²². Её также считали очень надёжной и скорострельной²³. Тем не менее с конца 1860-х гг. в России осознавали необходимость создать отечественную базу для производства берданок, чем также успешно занимался Горлов.

О соотношении огня и удара автор пишет достаточно традиционно, подвергая особой критике М.И. Драгомирова (с. 204–207). Однако генерал вовсе не принадлежал к ретроградам²⁴. Конечно, он не сумел оценить преимуществ пулемёта (и здесь был не одинок, поскольку первые их модели не отличались надёжностью, да и опыт использования картечниц в 1870–1871 гг. не вдохновлял²⁵), но поддержал такое революционное нововведение, как полевая шестидюй-

мовая гаубица²⁶, которую благодаря ему приняли на вооружение в 1889 г.²⁷ С другой стороны, в армии действительно насчитывалось немало противников скорострельного оружия, скептически оценивавших его возможности (с. 210–213).

В главе «Трудовые ресурсы, организация производственного процесса и передача технологии. Реорганизация русских оружейных заводов» (с. 221–279) Брэдли, опираясь на источники иностранного происхождения, дал весьма основательный обзор технологий изготовления оружия в США, Англии, Бельгии и охарактеризовал становление новой, машинной военной промышленности в России. На русских офицеров, командированных за границу, именно американский опыт производил наиболее благоприятное впечатление, поскольку высокий уровень механизации производства приводил к росту точности и низкому проценту брака (с. 246–249). Американское оборудование совершило настоящий переворот на Тульском оружейном заводе, где ранее большая часть работ осуществлялась вручную (с. 249–254). За ним последовали Ижевский и Сестрорецкий, а также казённый завод в Петербурге, где удалось наладить выпуск металлических патронов (с. 256–265). Впрочем, отсталость машиностроения по-прежнему негативно влияла на возможности русских оружейников (с. 265–271).

Безусловно, военная промышленность была и остаётся комплексом наиболее технологически сложных производств, и неудивительно, что государство и в имперский, и в советский периоды выступало основным заказчиком и организатором переноса передовых изобретений на русскую почву (с. 295–296). Эти заимствования были особенно важны при слабости отечественного станко- и моторостроения. Однако без собственной

инженерной школы их дальнейшее развитие зависело от множества обстоятельств и прежде всего — от внимания со стороны государства.

Примечания

¹ *Bradley J. Guns for the Tsar. American technology and the small arms industry in Nineteenth century Russia. Dekalb (Ill.), 1990.*

² См., в частности, рецензию У.С. Фуллера: *Slavic Review. Vol. 51. 1992. № 4. P. 823–824.*

³ В этом перечне источников, правда, можно встретить не только опубликованные документы, статьи из «Артиллерийского журнала» и «Оружейного сборника», специальную литературу XIX в., мемуары и проч., но и исторические труды (например, *Колчак В.И. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб., 1903 (с. 305)*) и даже художественные произведения Н.С. Лескова и Ю.В. Трифонова (с. 305, 311).

⁴ Так, согласно изменениям, внесённым 5 февраля 1852 г. в Устав о строевой пехотной службе, вооружённые штуцерами стрелки включались во взводы застрельщиков, которым надлежало действовать в рассыпном строю и в каре, что отработывалось на ротных, батальонных и линейных учениях. В 1854 г. для стрелковой подготовки старослужащим солдатам выдавалось пороха на 10, а свинца на 5 выстрелов, рекрутам соответственно — на 15 и 8. Разумеется, этого было совершенно недостаточно (каждую пулю предполагалось использовать дважды). С 1856 г. нормы боеприпасов для учебной стрельбы повысили: для Гвардейского, Гренадерского, шести пехотных и Кавказского корпусов, Образцового полка, сапёрных и линейных батальонов, дружин государственного ополчения и рекрут — до 25 боевых и 30 холостых патронов, для всех нижних чинов и ополченцев, вооружённых штуцерами и нарезными ружьями, для стрелковых полков и батальонов — пороха на 225 боевых и 30 холостых выстрелов и свинца на 150. Кадетам полагалось от 200 боевых и 100 холостых патронов в Пажеском до 600 и 300 в Первом и Втором кадетских корпусах. Константиновский кадетский корпус получил на учёбу по 2 тыс. боевых и по тысяче холостых выстрелов. В годы Восточной войны доля и численность лёгкой пехоты увеличивались за счёт резерва. Каждая бригада резервных дивизий шести пехотных корпусов должна была состоять из двух полков — пехотного и егерского. Подробнее см.: *Айрапетов О.Р. Развитие положений об огневом бое в Уставах русской армии в 1831–1866 гг.: к вопросу о военных*

реформах 1860–1870-х гг. // История. Научное обозрение OSTKRAFT. 2018. № 3. С. 7–10.

⁵ *Sweetman J.* The influence of the Napoleonic tactics on the American Civil war // L'influence de la Révolution Française sur les armées en France, en Europe et dans le monde. Actes № 15. Vincennes, 1991. P. 297–309.

⁶ *Фёдоров В.Г.* Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1. М., 1938. С. 9.

⁷ О его усвоении свидетельствовали, в частности, статьи в русской военной периодике, к сожалению, не учтённые автором монографии: О солдатском ружье // Военный журнал. 1827. № 4; Прочность солдатских ружей // Артиллерийский журнал. 1839. № 4; Описание бельгийского способа приготовления ударных колпачков // Там же. 1845. № 3; О новых французских карабинах и об их употреблении // Там же. 1847. № 6; *Лушин В.* Ручное огнестрельное оружие французских, английских и сардинских войск, бывших в Крыму // Там же. 1857. № 1; О нарезном стрелковом оружии // Инженерный журнал. 1858. № 1; *Эгеритром Н.* Сведения, относящиеся до введения в русской армии ручного оружия уменьшенного калибра // Оружейный сборник. 1861. № 1; *Пленнис В.* Игольчатое оружие. Материалы для критики оружия, заряжающегося с казённой части // Оружейный сборник. 1867. № 2.

⁸ *Мавродин В.В., Ефимов Ю.Г.* Самуэль Кольт в Петербурге // История Петербурга. 2004. № 5(21). С. 84.

⁹ *Фёдоров В.Г.* В поисках оружия. М., 1964. С. 154; *Drapier J.W.* History of the American Civil war. Vol. 3. N.Y., 1870. P. 646.

¹⁰ *Фёдоров В.Г.* Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 166.

¹¹ *Бильдерлинг П.* Русская игольчатая винтовка (исторический очерк постепенных совершенствований над системою Карле и Закса) // Оружейный сборник. 1868. № 1. С. 1–4.

¹² Под них переделывали дульнозарядные винтовки образца 1856–1858 гг. (*Фёдоров В.Г.* Вооружение русской армии... С. 175–176).

¹³ *Блюх И.С.* Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. 2. СПб., 1882. С. 195, 228.

¹⁴ *Фон-дер-Ховен А.* Заметка о Провиденском заводе и о ружьях Пибоди-Мартини, турецкого образца // Оружейный сборник. 1877. № 4. С. 16–17, 26; *Achtermeier O.* The Turkish Connection. The Saga of the Peabody-Martini Rifle // Man at arms. Vol. 1. 1979. № 2. P. 14–21.

¹⁵ *Блюх И.С.* Указ. соч. Т. 2–3. СПб., 1882.

¹⁶ *Saul N.* Concord and conflict: the United States and Russia, 1867–1914. Lawrence (Kansas), 1996. P. 107.

¹⁷ *Буняковский В.* Несколько слов о свойствах русской 4,2 лин[ейной] винтовки, об испытании оной в Америке, об улучшениях, произведённых в ней, и о преимуществах оной перед другими образцами оружия, заряжающегося с казны // Оружейный сборник. 1869. № 4. С. 1, 5.

¹⁸ *Чебышев В.* Современное положение ружейных заводов в Англии, Бельгии, Пруссии и Австрии // Оружейный сборник. 1873. № 1. С. 2.

¹⁹ *Армаков В.* О русском передельном скорострельном оружии // Оружейный сборник. 1875. № 2. С. 26.

²⁰ Ижевский оружейный завод // Оружейный сборник. 1885. № 3. С. 25.

²¹ *Куропаткин А.Н.* Блокада Плевны // Военный сборник. 1887. № 4. С. 180; *Лонатин И.* Три года из жизни 6-го пехотного Либавского полка (воспоминания участника кампании 1877–1878 гг.) // Военный сборник. 1902. № 6. С. 34; *Армаков В.Ф.* Воспоминания о войне 1877–[18]78 гг. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 4. С. 77–78.

²² Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880). Т. 6. СПб., 1881. С. 69, 143.

²³ *Буняковский В.* Русская игольчатая винтовка // Оружейный сборник. 1868. № 1. С. 36–38; *Фёдоров В.Г.* Вооружение русской армии... С. 210.

²⁴ Подробнее см.: *Юдин С.С.* Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Реформатор. Учитель. Военачальник. М., 2021.

²⁵ Применимы ли картечницы в полевых сражениях? Записка офицера Генерального штаба. СПб., 1877. С. 11, 14; *Н.А.* Картечницы и автоматические ружья Мэксима // Артиллерийский журнал. 1885. № 1. С. 28–30; *Н.Л.* Самострельная артиллерия // Там же. 1889. № 9. С. 773–775; О результатах приёмного испытания пяти 3-л[ин]ейных автоматических пулемётов системы Максима // Там же. 1894. № 12. С. 581–584.

²⁶ Сообщение генерал-майора Энгельгардта о новой укороченной 6-дюймовой пушке и замечания, вызванные этим сообщением в Николаевской академии Генерального штаба 21 и 28 января, 4 и 11 февраля 1888 г. СПб., 1888. С. 2, 87.

²⁷ Приказ № 225. С[анкт]-Петербург. Сентября 22-го дня 1889 года (по Главному артиллерийскому управлению) // Алфавитный указатель приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1889 год. СПб., 1890. С. 453.